
МАСТЕРСКАЯ И МЕТОДЫ
WORKSHOP AND METHODS

СТРУКТУРНАЯ РЕДУКЦИЯ ОЗНАЧАЮЩИХ В ДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

В.Р. ДОРОЖКИН*,

Институт подготовки кадров государственной службы занятости
Украины, Киев, Украина, valedor2007@gmail.com

Исследуется ряд структурно-аналитических техник, имеющих общую природу. Анализируются возможности редукции групповых психотерапевтических феноменов, процессов, отношений и, в целом, дискурса к бессознательным структурам психики отдельных участников. Статья иллюстрирована большим количеством примеров из практики консультирования и обобщает многолетний опыт работы автора. Авторская систематизация техник в единый метод позволяет динамически-ориентированным психотерапевтам упорядочить взаимодействие с клиентом, а также более структурировано организовывать процесс обучения терапевтов-стажеров.

Ключевые слова: лингвистический метод в психотерапии, анализ дискурса, структурная редукция означающих, техники структурной редукции означающих, обучение психотерапевтов-стажеров

Для цитаты:

Дорожкин В.Р. Структурная редукция означающих в динамической психотерапии // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 2. С. 115—133. doi: 10.17759/cpp.2017250207

* *Дорожкин Валерий Романович*, доктор психологических наук, доцент кафедры глубинной психологии и психотерапии, профессор кафедры психологии и социальной работы, Институт подготовки кадров государственной службы занятости Украины (Киев, Украина); немедицинский психотерапевт, valedor2007@gmail.com

Обучение психоаналитически ориентированных психотерапевтов, как никакая другая практика, нуждается в систематизации техник и методов работы в единую структуру. Эта нужда обусловлена слабой структурированностью аналитической техники, а точнее, отсутствием «техники» как таковой. Аналитическая психотерапия представляет собой скорее принципиальный подход в работе с анализантом. Безусловно, она имеет свои методы (например, анализ переноса, толкование сновидений, метод свободных ассоциаций, проработка сопротивления и др.), есть соответствующие приемы, такие как интерпретирование или достраивание психоаналитических конструкций. Но это скорее обобщенные принципы работы, задающие направление, но не предлагающие пошаговых инструкций. И если в других терапевтических школах неопитов обучают конкретным приемам практической работы, и они получают вполне определенный инструментарий (как в КБТ, гештальт-подходе, арт-терапии, даже юнгианской аналитической традиции и, тем более, в НЛП), то начинающий аналитик в техническом плане довольствуется меньшим. Он обучается общим принципам работы с клиентом и его защитами, а также развивает свободно-плавающее внимание. Однако эти навыки базируются не на поэтапных процедурах, а являются, скорее, принципиальной позицией в системе «терапевт-клиент».

Данная статья направлена на заполнение отмеченного пробела в той его части, которая связана со структурированием уже известных техник и приемов в уровневый метод аналитической работы. Среди используемых процедур я привлекаю техники структурного психоанализа Ж. Лакана, используя работу с оговорками, ослышками и прочими «ошибочными» действиями. Новизна нашего подхода состоит в уровневой комбинации и определении таких принципов аналитической работы, которые позволят свести анализ к структурной редукции предлагаемого клиентом материала. Метод редукции помогает решить задачу обучения неопитов и обеспечивает более опытных психоаналитически ориентированных терапевтов инструментом для проведения рефлексии собственной работы.

Отмечу, что многие из практикующих психотерапевтов так или иначе пользуются такой редукцией, эмпирическим путем выйдя на закономерные связи между структурой дискурса и сообщениями бессознательного. Для них данная статья выступит скорее как некоторое обобщение уже освоенных процедур, позволяющее более технологично работать с бессознательным клиента. Те же психотерапевты, которые в силу иного методологического подхода к клиенту (экзистенциальные терапевты, личностно-ориентированные консультанты и пр.) не используют аналитические техники в своей работе, могут найти для себя новые инструменты понимания феноменологии человека.

Структурная редукция означающих (СТРЕОЗ) представляет собой метод доступа к неявному, скрытому или потенциальному содержанию психотерапевтического дискурса. Основу этого метода составляют несколько концептуальных положений Ж. Лакана. Эти положения в достаточной мере раскрывают как природу, так и техническую сторону метода. Первое концептуальное положение состоит в признании наличия скрытых содержаний и латентных смыслов в любом фрагменте речи [7; 8]. Это означает, что дискурс содержит в себе одновременно ряд содержательных пластов, допускающих несколько различных уровней прочтения [1]. Некоторые из этих пластов находятся в тексте сообщения, другие — в его контексте, а третьи — в пространстве, образованном сложившимися отношениями между терапевтом и клиентом или, как сейчас говорят, в поле коммуникации между ними. В свете сказанного, понять сообщение клиента — это значит ответить на три вопроса: что оно означает для меня, что оно означает для него и что оно означает для нас? Ответ на поставленные вопросы позволяет прояснить содержание всех трех обозначенных уровней, раскрыть весь спектр вложенных смыслов. Работа только на одном уровне оказывается недостаточной и далеко не исчерпывающей. Усилия, связанные с толкованием, должны быть направлены на усмотрение бессознательной логики предъявления клиентом отдельных фрагментов себя и своей ситуации. Терапевту необходимо учитывать такие компоненты, как содержание проблемы, форму и последовательность, в которой она предъявляется, а также саму психотерапевтическую ситуацию (в том числе, актуальные взаимоотношения между консультантом и клиентом) и собственный отклик (отклик группы) на сообщения клиента. Только тогда психотерапевт сможет правильно истолковать и понять бессознательные значения и вытесненные смыслы клиента.

Соотнесение отмеченных компонентов позволяет редуцировать первоначальные сообщения клиента (означающее) к некоторым бессознательным структурам (означаемое). Причем значимые, с точки зрения проблемы клиента, эквиваленты в бессознательном существуют не ко всему высказанному тексту, а лишь к некоторым фрагментам его речи, образующим в основном тексте определенную структуру. Раскрытие этой структуры является основной целью СТРЕОЗ. Чуть позже будут рассмотрены уровни технического осуществления данного метода.

Еще одно концептуальное положение, определившее описываемый метод, состоит в том, что автором дискурса являются не только осознаваемые аспекты личности говорящего, но и целиком бессознательные, или, словами Лакана, «в авторстве текста участвуют как Субъект сознательного (Субъект), так и Субъект бессознательного (Другой)» [7]. Лакан утверждает, что авторство конкретного дискурса — вещь сомнительная,

в смысле принадлежности одному субъекту говорения. В качестве такого субъекта может выступать и Субъект сознательного (в большей степени отвечает за содержание — *что* говорится), и Другой (отвечает за оформление этого содержания — *как* говорится). Речевые и невербальные аспекты дискурса определяются в качестве равнодействующей сразу двух субъектов говорения. Иными словами, дискурс является результатом вкладов Субъекта и Другого.

Другой — необходимое, конститутивное условие существования речи [3]. В речи он получает свое материальное воплощение, обитает в ней и, в свою очередь, структурирует ее и придает ей смысл. Отмечу, что область существования Субъекта бессознательного — не речь как таковая, а система коннотаций и сопутствующих этой речи смыслов. Другой вытеснен в эту часть дискурса Субъектом сознательного, который, в большинстве случаев, доминирует во владении функцией авторства. Доминирование Субъекта влечет не только вытеснение Другого в латентные, неявно проговариваемые и скрытые аспекты дискурса, но и порождает сопротивление Субъекта проникновению Другого в пласты явного содержания. В крайнем варианте это представлено как дозированная речь. Субъекту бессознательного остается только трансформировать форму, структуру речи, проявлять себя в интонационных, невербальных аспектах либо в *смещениях дискурса*. Влияние Другого приводит к возникновению множества вторичных, сопутствующих смыслов, анализ которых позволяет исследовать и понять Субъекта бессознательного. В то же время, возможна и обратная ситуация, когда функция авторства переходит от Субъекта к Другому. Это проявлено, например, в речи психотика или человека в состоянии крайнего алкогольного/наркотического опьянения. В подобных случаях сознательный контроль за речью снижен либо отсутствует совсем, а Другой доминирует в функции авторства. Субъект в таких ситуациях фрагментирован и сдвинут во вторичные смыслы. Другой и Субъект конкурируют за право быть авторами конкретного высказывания. Тот из них, кто вносит больший вклад в речь, формирует содержание, второй определяет контекст. В норме, при отсутствии у человека измененных состояний сознания, он говорит от имени Субъекта, проговариваясь от имени Другого.

Еще один нюанс в диалектике построения речи связан с тем, что в скрытых и сопутствующих смыслах Другой не просто воплощается, но и отчуждается, объективируется. Будучи объективированным, он может быть проанализирован, а затем возвращен клиенту и присвоен им. Прояснение вклада Другого в речь является одной из центральных задач терапевта. Решить ее возможно за счет редукции означающих в одной либо нескольких структурах в дискурсе клиента и/или целостном дискурсе психотерапевтического пространства. В построении подобных

структур, в порядке их предъявления всегда участвует Субъект бессознательного. Маркерами присутствия Другого выступают изменения в стиле или форме предъявления дискурса. Различение принадлежности фрагментов дискурса сознательному или бессознательному производится именно по изменениям в стиле предъявления (еще говорят: по *смещениям в речи*). Анализ этих изменений позволяет терапевту реконструировать отдельные части бессознательного клиента, что содействует их последующей интеграции.

Техника СТРЕОЗ различается в зависимости от типа самой структуры, но каждый раз она базируется на одном и том же принципе, заложенном в самом понятии редукции. Этот принцип состоит в выделении обобщенных структур в дискурсе и в поиске структур им эквивалентных в бессознательном клиента.

С точки зрения СТРЕОЗ в дискурсе возможно различить четыре типа структур.

1. Морфологическая структура слова.
2. Синтаксическая и семантическая структура предложения (смысловой и морфологический порядок слов в предложении).
3. Семантическая структура дискурса, образуемая его целостными смысловыми фрагментами.
4. Семантическая структура совокупного дискурса, образуемого всеми участниками терапевтического процесса.

Морфологическая структура слова

В данном случае структурная редукция сводится к интерпретациям различных оговорок, неологизмов, «слов-бумажников» [2], «чемоданных слов» [10] и др., выступающих в качестве носителей множественных смыслов. По Лакану, смещения в морфологии слова отражают либо конкретную симптоматику клиента, либо его бессознательные желания [7; 8]. Как правило, оговорки легко различимы в сообщении клиента, часто прозрачны для интерпретации, хотя и не всегда могут быть истолкованы однозначно. Связана эта неоднозначность с тем, что оговорки представляют поле для проекций толкователя. Поэтому интерпретировать «в лоб» смещения в отдельных словах некорректно. К ним нужно относиться более гибко. Психотерапевту необходимо отмечать оговорки, классифицировать их по темам (отношения с партнерами, сексуальная сфера и т.п.). Если одна из тем повторяется чаще остальных, то это свидетельствует в пользу того, что человек внутренне сосредоточен, фиксирован на ней.

Особенность работы с оговорками и смещениями в морфологии конкретных слов состоит в том, что мгновенная интерпретация практически

всегда является преждевременной для клиента. Она порождает внутреннее сопротивление, неприятие. Клиент стремится поправить сказанное, отказывается от собственных слов, делает вид, что не слышал произнесенное или, что он этого не говорил. В связи с этим стратегией терапевта становится накопление оговорок, а только затем их предъявление клиенту для ассоциирования. На специфику работы с оговорками, неологизмами и пр. накладывает отпечаток также тот момент, что они являются одним из вариантов остроумия. Клиент может осознанно острить, манипулируя словами и их значением. В то же время, это не отменяет вышесказанного. Остроты являются таким же способом говорить о себе, как и серьезные пассажи [12].

Приведу несколько примеров¹.

Ольга, женщина лет 35 сформулировала свою проблему, как нехватку общения с мужем и отсутствие понимания с его стороны. На уточняющие вопросы она привела несколько историй, разъясняющих сложившуюся ситуацию. Свой рассказ она подытожила таким образом: «Ну, как обычно: придет домой, согнетя над газетой около телевизора, хотя бы расспермился...». Появление слова-бумажника «расспермился» легитимировало обсуждение интимных отношений Ольги с ее мужем, что повлекло установление доверительной атмосферы в группе. Глубинным значением самого слова-неологизма выступили одновременно и особенности восприятия клиенткой собственной сексуальности, и ее обида на мужа, и бессознательная провокация мужчин на терапевтической группе. Интересно, что реакцией женщины на собственную оговорку был продолжительный смех, который участники интерпретировали как смех-удовольствие от санкционирования запретной темы.

Другая история связана с Настей, молодой мамой, недавно начавшей посещать групповую терапию. Анастасия рассказала, что ей мучительно трудно оставлять своего ребенка в детском садике. Она долго не может расстаться с дочерью у порога, потом в течение длительного времени сидит на площадке детского сада и плачет. На вопрос, что она оплакивает, Настя ничего существенного не ответила. Далее она продолжила повествование: «Я вообще против детских садов. Ничего хорошего они не дают. Тем более, муж у меня — художник, прекрасный человек и хороший отец — большую часть времени работает дома, мог бы и с ребенком посидеть». Парадоксальность Настиной логики несколько удивила участников: работает дома, значит, может с ребенком посидеть. Между тем, расхваливая даровитость мужа и его исключительные личностные качества, женщина продолжила: «Знаете, я заг'ада научилась хорошо по-

---

¹ Конкретные детали всех приведенных случаев изменены с целью соблюдения принципа конфиденциальности.

нимать своего мужа ...». Отклик возник сам собой: «Вы только что назвали своего мужа гадом. Из-за чего?»

Интересно, что Анастасия «не услышала» свою оговорку и некоторое время сопротивлялась ее принятию. Тем не менее, когда очередной участник группы подтвердил: «Ты, действительно, сказала — заг ада», клиентка продолжила свой рассказ следующей историей: «Три-четыре месяца в году муж проводит на выставках за границей, в окружении соблазнов и поклонниц. При его “женолюбском” характере всего можно ожидать. Для семьи и для него будет лучше, чтобы он посидел дома с дочкой». По мнению Насти, надежный способ гарантировать возвращение мужа — это привязать его к ребенку. Отказ же супруга сидеть с дочкой женщина воспринимает как крушение последних надежд. При этом даже такой аргумент мужа, что он не просто дома сидит, а работает, в расчет не принимается. Для Анастасии это скорее подтверждение приоритета работы (т.е. чего угодно) для мужа, нежели ребенка и семьи.

Большое количество оговорок встречается в различных ситуациях бытового общения. Распознавание скрытых смыслов и бессознательных значений за счет анализа смещений в обыденной речи позволяет вывести собственное понимание других людей на новый уровень.

В связи с этим, мне вспоминается несколько историй-курьезов.

Во время игры в карты один из мужчин прокомментировал свой карточный расклад: «Вот карта выпала! Вы бы только видели, как насть легла» (рядом как раз легла на диван жена одного из его друзей — Настя).

Из выступления одного преподавателя перед студентами: «Умные студенты получают выписку в приложении к диплому, а красивые — в-писку».

«Это лучший симфаллический оркестр, что я видела», — так девушка рекомендовала своей подруге сходить на концерт. А через год она вышла замуж за музыканта из коллектива этого оркестра.

Несмотря на то, что во многих приведенных высказываниях обнаруживается сексуальная коннотация, подоплека ее может быть самой разнообразной. Иногда это всего лишь способ начать разговор об отношениях и о связанных с ними переживаниях. Это необходимо учитывать при интерпретации смещений в речи, с которыми мы прямо или косвенно сталкиваемся в обыденной жизни и в психотерапевтическом пространстве.

Синтаксическая и семантическая структура предложения (смысловой и морфологический порядок слов в предложении)

СТРЕОЗ при работе со структурами конкретных предложений состоит из анализа и истолкования различных оборотов речи, преимуще-

ственно метафор и метонимий. «Ведь хотим мы себе в этом сознаться или нет, но симптом — это действительно метафора, а желание — это и в самом деле метонимия» [7, с. 84].

Метафора — троп/литературный оборот речи, указывающий на сходство по подобию/контрасту. Например, выражение «устал, как собака» является метафорой и в то же время отражает симптом человека, его «животную» усталость. Метонимия — троп/литературный оборот, характеризующий сходство по смежности, близости (временной, пространственной, либо смысловой). Для иллюстрации можно привести примеры: «съел блюдо», «выпил стакан», «бунтует страна», «волнуется завод», «прут эмоции», «поет душа» и др.

В современном языковом консультировании, наверное, не осталось психотерапевтов, не пользующихся возможностями этих и других литературных приемов. Литературные тропы позволяют лучше понять состояние клиента, а главное, «прочитать» его проблему «между строк», увидеть задаваемый этой проблемой контекст. Психоаналитическое направление было первым, где открыли возможности и потенциалы литературных тропов для понимания бессознательного. Более того, еще Фрейд обнаружил, что забывание негативных, фрустрирующих событий строится по законам временной и пространственной смежности (т.е. метонимически). Наряду с негативными, забываются близкие по времени осуществления, рядом идущие нейтральные и позитивные события. Они вытесняются из Эго вместе с травматическим опытом и образуют вокруг этого опыта оболочку с травмой в центре. Для подобного феномена Фрейд ввел специальное обозначение — патогенное ядро [11]. Удивительно, сколько приятных жизненных моментов забыты только потому, что они соседствуют во времени с травматическими эпизодами и могут косвенно напомнить о них. Под общий закон подпадают и воспоминания детства, которые сохраняются к взрослому возрасту в значительно урезанном виде. Большая часть забытых воспоминаний исключительно позитивна, а вытеснена только потому, что насквозь пронизана ранними сексуальными переживаниями и амбивалентными чувствами к родителям.

Задача терапевта, работающего с помощью СТРЕОЗ, состоит в семантическом и/или синтаксическом взаимосоотнесении слов, представленных в том или ином предложении клиента. Терапевт интерпретирует различные смысловые и/или лингвистические несоответствия, неточности и неправильности, составляющие одно высказывание (либо находящиеся на стыке двух соседних предложений). Эти неправильности порождаются, в основном, из семантического несовпадения того, что говорящий хочет сказать, и того, что он говорит в реальности. Такие несовпадения можно рассматривать в качестве указателей, расставленных бессознательным и свидетельствующих о наличии вторичных смыс-

лов. Анализируя лингвистические неправильности, достраивая их до корректных в плане синтаксиса и семантики конструкций, терапевт восстанавливает дополнительные смыслы отдельных сообщений клиента.

Ирина, женщина 42 лет, пришла на психотерапевтическую группу в связи с участвовавшими конфликтами между ней и ее пятнадцатилетней дочерью. Со слов Иры, дочь потеряла всякое уважение к ней, перестала ее слушать, делиться с ней своими проблемами. Ситуация в последнее время усугубилась тем, что дочь стала скрытной, а «ее характер превратился во взрывоопасный». Все это усугубило негативное развитие отношений, возводя непреодолимые барьеры на пути ко взаимопониманию. Сама же Ирина прилагала «титанические» усилия для урегулирования отношений с дочкой, занимала примирительные позиции, готова была идти на уступки и т.д. «Но все напрасно», — печально резюмировала она. — «С ней невозможно договориться. Вы бы только видели, как у нее характер выпирает!»

Как может характер выпирать? Ирина сообщала о чем-то другом. Возможно, о начавшемся половом созревании девочки? Обсуждение этого позволило определить два аспекта проблемы. Во-первых, Ирина находится в конкурентных отношениях с дочерью. Конкуренция усугубляется тем, что они проживают в одной квартире с бывшим мужем Ирины — отцом дочери, с которым клиентка уже несколько лет в разводе. Со слов Иры, отношения с бывшим мужем она не поддерживает и «никогда не умела их выстраивать». Ее дочь, наоборот, достаточно «легко и свободно» общается с папой. При этом она часто ставит себя в пример матери, учит, как надо общаться с мужчинами. Во-вторых, сильную обеспокоенность у Ирины вызывает «излишнее» подчеркивание дочерью своих форм (выпирают, то есть в данном контексте буквально «прут из-под одежды»). В дальнейшем выяснилось, что Ирина была изнасилована в 16-летнем возрасте. Женщина осознала смещенный страх повторения подобного события, которое, как ей начало казаться в последнее время, может произойти с ее дочерью. У клиентки развилась тревога и навязчивое ожидание повторения произошедшего с ней. Связано это было с эмоциональной непроработанностью, психологической незавершенностью давнего события из ее собственной жизни. Она разорвала контакт с тем случаем, вытеснила его, предпочла забыть, но травма продолжала жить и болеть где-то глубоко в душе, напоминая о себе через опасения за судьбу дочери. Все это привело к наложению «жизненного цикла» клиентки на «жизненный цикл» дочери, и чем ближе последняя приближалась к собственному шестнадцатилетию, тем большая тревога возникала у ее мамы. На поведенческом уровне это выглядело как стремление Ирины упрятать дочь в кокон из одежды. Она делала это с таким давлением и напором, что вызывала у дочери сильное сопротивление и противодей-

стве. Дочь стала демонстрировать негативизм и оппозиционное поведение, внешне проявленные как минимализм в одежде. Тогда «характер» дочери и начал «выпирать».

Отдельного внимания заслуживает интерпретация песен, а точнее, анализ внезапно пришедших в голову строк, куплетов, мотивов каких-либо известных шлягеров и т.п. В наше время, когда написание песен стало индустрией, а их пение — бизнесом, тексты появились обо всем и практически про все случаи жизни. Они отражают любые, даже самые вычурные состояния человека. Песнями охвачены все мыслимые и немыслимые ситуации: любовь, ожидание встречи, расставания, чувства к своим и чужим детям, измены и связанные с ними переживания, гомосексуальные и бисексуальные отношения, тоска, скука, ненависть, дружба, злость, предательство, голод, работа, деньги, смысл жизни, экзистенциальные вопросы существования и пр. Благодаря столь широкому репертуару тексты песен резонируют практически со всеми аспектами психической реальности человека. Именно поэтому психотерапевту следует обращать внимание на то, какую песню напевает человек. Это информативный путь понимания его отношения к происходящему, осмысления его актуального состояния. Бывают и такие ситуации, когда сам поющий не может вспомнить отдельные слова (целые куплеты) того, что ему «привязалось и уже час (день, неделю) не выходит из головы». В этих случаях очень важно знать, о чем на самом деле поется в песне, мотив которой «привязался».

В качестве примера приведу историю, рассказанную мне товарищем. Решив свои дела на одной из фирм, он попрощался и, не услышав ответа от девушки, с которой только что общался, начал одевать куртку. Неожиданно, вместо «до свидания», девушка начала тихонько напевать: «Не уходи, постой. Просто побудь со мной...». Для моего товарища это прозвучало как «здрасти».

— Что Вы поете?

— Ничего. Просто люблю Агутина.

— Хотите в кафе? Здесь есть поблизости...

— А Вы приглашаете? Пойдемте...

В дискурсе всегда сообщается больше, чем намеревался сказать человек.

Семантическая структура дискурса, образуемая его целостными смысловыми фрагментами

На этом уровне метод СТРЕОЗ представлен анализом более глобальных, в сравнении с предшествующими, единиц дискурса. В качестве таких единиц выступают целостные смысловые фрагменты речи клиента.

Редукция позволяет сводить отдельные фрагменты клиентского дискурса к эквивалентам бессознательных отношений, бывших ранее или возникающих прямо на сеансе (в виде трансферов), что приводит к осмысливанию этих фрагментов в новом качестве. Важным является распознавание самих целостных фрагментов дискурса, частоты и последовательности их смены. Также, при использовании СТРЕОЗ на этом уровне необходимо учитывать наличие смыслового единства и связанности между различными фрагментами речи, либо отсутствие между ними преемственности и видимой логики. Техника работы с целостными фрагментами дискурса структурно совпадает с техникой второго уровня. Как и в предшествующем случае, отдельные фрагменты речи клиента можно соотносить друг с другом и рассматривать как метафоры либо как метонимии. Другими словами, о чем бы клиент ни говорил в процессе психотерапии, как бы он ни менял темы своего рассказа, он всегда говорит о своей травме либо о своем желании. Последующая речь клиента, даже несмотря на видимую «несвязанность» и «рассогласованность», является конкретизацией ранее сказанного. В то же время, бывает верно и обратное: то, что было сказано в начале, позволяет выбрать верный ракурс, смысловую рамку при рассмотрении всего последующего.

Меняя темы рассказа, клиент иллюстрирует проблемную область более безопасными для него способами. Даже радикальная смена темы повествования призвана только уточнить и «мягко» конкретизировать, аллегорически оформить ранее сказанное. В случае, когда более ранние высказывания клиента задают контекст восприятия последующего материала (а в особенности показательно в этом смысле начало сеанса и тот дискурс, который начинает создаваться), то эти высказывания являются ключом, дешифратором дальнейшего текста. При этом навык терапевта состоит в умении распознать, какая тема конкретизирует остальные, что является означающим, а что означаемым среди отдельных целостных фрагментов. Терапевт задействует интуицию, опыт, свободно плавающее внимание. От перечисленных свойств и умений зависит способность психотерапевта правильно расставлять акценты и глубже проникать в бессознательные смыслы клиента.

При работе со структурами целостных фрагментов речи примечательным является то, что тематическую подачу материала практически невозможно отследить и проконтролировать сознательно. Это находится вне возможностей Субъекта, а значит в подаче тем для рассказа, в порядке смены этих тем Другому (Субъекту бессознательного) отводится центральная роль. Данная особенность позволяет рассматривать анализ целостных фрагментов речи, как наиболее надежный способ проникновения во внутренний мир клиента. Его психологические защиты не властны на этом материале, они не в состоянии препятствовать проник-

новению Другого в структуру текста и диспозицию отдельных речевых фрагментов. Когда клиент отслеживает смысл отдельных предложений и видимую непротиворечивость целостного текста, бессознательный материал проходит частями через соотношение «независимых» фрагментов речи. Подобная процедура напоминает изучение объекта с помощью маленького зеркала (либо рассматривание объекта в темноте с помощью луча фонарика). И в том и в другом случае мы получаем информацию об объекте фрагментарно, порционно, но при последовательном анализе и сопоставлении результатов мы в состоянии свести весь полученный материал воедино и составить целостную картину.

Описание СТРЕОЗ для структур третьего уровня не будет полным, если исключить ситуацию, когда клиент избегает в разговоре определенных, запретных для него тем. Умалчивание можно и нужно интерпретировать. Когда переход к некоторой теме становится единственно возможным и закономерно подготовлен всем ходом предшествующей терапевтической беседы, а клиент этой темы избегает, то ее необходимо толковать как значимую, но запретную или травматичную для клиента. В таких случаях, предшествующий дискурс является способом символически оформить, очертить место травмы или запретного желания.

Проиллюстрировать работу в рамках СТРЕОЗ на третьем уровне сложнее. Сделаю это схематично, обозначив ключевые точки пристежки метода к тексту терапевтической практики. В качестве примера приведу один показательный случай, произошедший на заре моей профессиональной деятельности. Тогда я только начинал работать и вел в паре с котерапевтом семинары по психологическому консультированию.

Описываемая история произошла на пятидневной группе, посвященной исследованию психологических защит. В первый день активно работала Наталья, женщина сорока лет. Она открыто и искренне посвятила нас в особенности своих взаимоотношений с мужем, где последнему была отведена далеко не выигрышная роль. Я бы даже сказал, что мужа она представила в крайне нелюбимом свете. Среди участников группы появились сомнения в справедливости такой тенденциозной оценки, и Наталье пришлось доказывать свою позицию. Она сделала это весьма неожиданно для всех нас:

— Если вы не верите, спросите у мужа. Вот он сидит, — при этом она указала на безучастно сидевшего мужчину в противоположном «углу круга».

Присутствие мужа в данной группе стало открытием для нас и свидетельствовало о нашем с котерапевтом упущении: по возможности, надо знать о родственных связях внутри терапевтической группы до начала активной стадии ее работы. Откровенно признав свой промах, мы посвятили некоторое время обсуждению удивления, которое возникло в

группе. Связано оно было не с фактом наличия мужа (такое бывает на группах), а с тем, что мужчина абсолютно равнодушно, как казалось, воспринял все, что о нем говорила его жена. Многие участники, по их собственным словам, были «шокированы его выдержкой, терпением и спокойствием». Я предложил включиться в данную работу мужчине и прокомментировать все сказанное его женой и другими участниками. Однако Михаил, так его звали, спокойно ответил, что его жена говорит то, что считает нужным и поскольку она вызвалась работать, то пусть продолжает сама. Дальнейшие мои старания, а также усилия котерапевта и других участников группы по вовлечению Михаила в беседу отклонялись им в спокойной, но твердой манере. Наталья же продолжала обличать своего мужа безапелляционно и жестко. Она провоцировала его, но он не реагировал. В определенный момент несколько участников присоединились к Михаилу, открыто встали на его защиту и предприняли попытку объяснить его поведение. Михаил же продолжал молчать и следил за всем, что происходило. Ничего более, чем сдержанный интерес, он не выказывал. Тем более он не просил о помощи либо поддержке. В конечном итоге котерапевт испытала сильное возмущение, не выдержала и прокомментировала поведение Натальи:

— Сейчас вы говорите неприятные для Михаила вещи. Какой реакции вы хотите от него добиться? Вы провоцируете его таким образом? Или наказываете за что-то?

— Я его не наказываю..., — Наташа с видом «ничего особенного не происходит» выдержала спокойный тон, — ...просто я привыкла говорить то, что думаю...

Напряжение в группе возрастало. Михаил же в течение всего времени молчал, не предпринимал никаких попыток опровергнуть то, что про него говорила жена, проявлял стоическое самообладание и никак не пытался повлиять на групповой процесс или его содержание. Хотя видно было, что он внимательно слушает и обдумывает происходящее. Поведение Михаила вызвало ряд вопросов у участников группы. Была даже высказана идея об эксгибиционизме данной пары, когда они выставляют напоказ свои садистически-мазохистические отношения и еще получают от этого удовольствие. Группа бурлила эмоциями. У меня же возникли контрпереносные чувства, адресованные Михаилу:

— Вы не реагируете на то, что здесь творится, как бы сильно мы не пытались затянуть вас в групповой процесс. С вами тяжело общаться в таком режиме. И это чувство у меня возникло всего лишь за час нашего контакта. Предположу, что в обыденной жизни из вас также сложно выудить эмоции. Я начинаю испытывать сострадание к вашей жене, которая не только час, а всю жизнь находится в условиях такого стиля общения.

После столь абсурдного обвинения человека в том, что он молчит, я неожиданно для самого себя изменил групповую динамику. Наташа согласилась с тем, что я сказал, заявила о том, что предупредила мужа сегодня утром, что она разговорит его «любыми средствами», пообещала ему выступить для этого клиенткой и провоцировать его, как сможет. При этом она подтвердила, что Михаил, действительно, молчит все время, с ней практически не общается, и у нее нет возможности узнать, что же он на самом деле думает, хочет, чем живет и как воспринимает ее, семью, детей. В конце своих откровений Наталья расплакалась. Чувствовалось, что ей тяжело и она переживает. Внезапно проявил активность Михаил. Он начал с того, что он такой человек, продолжил рассказом, о ситуациях, которые сделали его таким (как выяснилось, в прошлом он был сотрудником спецслужб, служил в Афганистане, на него было несколько покушений и пр.), объяснил жене некоторые моменты своего поведения и попросил ее не обижаться. В целом, он был немногословен, но искренен.

Вроде бы позитивный итог работы, но у меня возникли немотивированная тревога и смутное ощущение недоверия со стороны Михаила. Слишком я был активен и влез на его территорию. Более того, я начал чувствовать неприязнь, исходящую от него. Часть этой неприязни я объяснил себе проекцией собственного чувства, но оставалось что-то еще. В тот день я не придавал особого значения своим переживаниям, но они возобновились к третьему дню работы группы. После доклада, посвященного психологическим защитам и работе с ними, Михаил задал мне вопрос: «Я хочу лично у Вас спросить: правда ли, что лучшая защита — это нападение?», а затем продолжил: «Если можно, я хочу сегодня поработать». Возражений не было, и он начал. Михаил вспомнил давнишнюю ситуацию, когда попал в ДТП. В тот день он был за рулем, жена сидела рядом, и они ехали по свободной ровной трассе, на допустимой скорости. В какой-то момент Михаил отвлекся, а когда вновь посмотрел на дорогу, то увидел, что их на большой скорости обогнал мотоциклист. Затем произошла абсолютно непонятная, странная и загадочная для самого Михаила ситуация. Мотоциклист по какой-то причине притормозил, а Михаил, будучи в ясном сознании — он подчеркнул это несколько раз, — сбил его. Просто наехал и все. Причем он акцентировал внимание группы на том, что мог затормозить, но почему-то этого не сделал. Само ДТП закончилось достаточно заурядно и не имело последствий для Михаила. Он вызвал «Скорую помощь», отвез пострадавшего в больницу, несколько раз его навещал, оплатил все необходимые расходы и, спустя некоторое время, уладил дело. Терапевтический запрос Михаила состоял в том, что последние два дня этот давно забытый случай не выходит у него из головы, и он не может понять: «К чему это»? Воспоминание вос-

кресло неожиданно и во всей полноте переживания захватило его. Более того, это же событие приснилось Михаилу ночью в виде обрывочного сна, практически со стопроцентной достоверностью воспроизведшего бывший когда-то инцидент. Вопрос у Михаила был прост: что делать и почему воспоминание о давнем ДТП начало преследовать его?

На попытки группы прояснить значимые переживания по поводу ситуации, в которой произошло ДТП, а также выяснить ассоциации, связанные с той ситуацией, Михаил отвечал скупой и без интереса. Он равнодушно приводил возможные аналогии, и создавалось впечатление, что дело в чем-то другом. Я не участвовал в обсуждении. Меня странным образом задела первая фраза Михаила о том, что лучшая защита — это нападение. Она «зацепила» мое внимание и не выходила из головы. При этом я несколько раз ловил на себе взгляд мужчины. Взгляд был жестким, «колючим», угрожающим. Между нами установилось напряжение, которое я чувствовал физически. Наконец, я решился спросить:

— Михаил, я все время думаю о той фразе, с которой Вы начали. Помните ее? (Михаил кивнул). Так вот, мне кажется, что рассказанная история имеет непосредственное отношение ко мне. В первый день работы несколько раз я был в оппозиции к Вам и выступал против Вас. Теперь Вы задаете мне вопрос: действительно ли лучшая защита — это нападение. Но Вы же не стали слушать ответ. Поэтому я воспринял ваш вопрос не как вопрос, а как констатацию: вы решили напасть на меня. Вы же сказали, что этот случай актуализировался два дня назад, то есть после работы с вашей женой. Похоже, вы идентифицировали меня с тем мотоциклистом. Я несколько раз выезжал вперед во время прошлой терапии, да еще на большой скорости. Вам же казалось, что Вы ехали с женой по спокойной, ровной дороге. А я не просто обгонял Вас, но и становился у Вас на пути. И Ваш рассказ — это предупреждение: выедешь еще раз — я тебя просто собью. Причем буду в ясном сознании, буду понимать, что делаю, но не остановлюсь. Собью и все.

Михаил посерьезнел:

— Я могу сбить, — только и сказал он.

— Это подтверждает только то, что я сейчас сказал, — заметил я.

— Да-а-а ... — Михаил выдержал длинную паузу, — ...Ваши методы работают, — он искренне улыбнулся и почесал голову.

— У меня вопрос к вам. Что нужно сделать, чтобы аварии не произошло?

Михаил поднял обе руки в открытом жесте и улыбнулся:

— Остановиться.

Рассматривая СТРЕОЗ в работе со структурами третьего типа, я забыл об одном существенном моменте. Связан он с особенностями понимания речевого высказывания, а, в частности, со спецификой терапевтического толкования дискурса. «Процесс понимания речи сопровождается выдви-

жением гипотез и предположений о смысле сообщения» [9, с. 228—229]. Это имеет отношение и к терапевтическому истолкованию дискурса клиента. Терапевт, хочет он того или нет, всегда выдвигает гипотезы относительно проблем и особенностей ситуации клиента. Любое же понимание, любые гипотезы субъективны по своей сути, а значит, подвержены влиянию бессознательного самого терапевта. Можно сказать, что терапевтические отношения — это своеобразный плацдарм для разворачивания и коммуникации Субъектов бессознательного как клиента, так и самого психотерапевта. Терапевту важно при формулировке своих гипотез или интерпретаций не спутать собственного Субъекта бессознательного с Другим клиента, и не сделать интерпретацию от имени своего Субъекта бессознательного. Иначе, СТРЕОЗ сведется к отыгрыванию на сеансе и коммуникации на уровне Других участников группы.

Семантическая структура совокупного дискурса, образуемого всеми участниками терапевтического процесса

На последнем, самом высоком уровне СТРЕОЗ представляет собой сведение совокупного дискурса к некоторым бессознательным смыслам клиента, связанным, как правило, с его актуальными неосознаваемыми отношениями в терапевтической группе (обобщенная редукция). Метод обобщенной редукции позволяет по-новому взглянуть на всю систему психотерапевтических взаимодействий в рамках конкретной встречи. Взгляд этот состоит в том, что в отдельных случаях проблему клиента и особенности подачи этой проблемы можно рассматривать не саму по себе, а как способ человека повлиять на отношения в группе. Например, занять привычную для себя позицию, спровоцировать определенные реакции, перераспределить ролевую структуру группы и т.п. Другими словами, иногда клиент сознательно либо бессознательно манипулирует темой, содержанием или формой подачи своей проблемы с целью оказать то или иное влияние на группу, ее динамику, либо отдельных ее членов. Подобные способы влияния имеют свою историю и могут быть сведены к типичным способам воздействия человека на отношения с другими. Это можно интерпретировать. Но как?

Принцип редукции означающих позволяет сводить целостный дискурс, произведенный участниками группы, к отдельным аспектам неосознаваемых взаимоотношений в группе. Для этого необходимо учитывать: а) переживания участников, связанные с проблемой клиента и с особенностями ее подачи; б) внутригрупповую динамику и ее изменение; в) контрперенос и эмоциональные состояния (а также динамику их смены) самого терапевта. Если психотерапевт фиксирует все сказанное

и не закрыт по отношению к собственным контрпереносным реакциям, то он в состоянии понять, что клиент «делает» своим сообщением с группой и с ним самим. Действительно ли человек переживает свою проблему, находится внутри нее, либо он недоволен своим местом в группе, собственным статусом, ему не хватает внимания либо привычных для него эмоциональных реакций. В последних случаях терапевтическая стратегия выстраивается иначе, чем в ситуации анализа дискурса. Она направляется не на анализ речи, а на анализ производимых клиентом актуальных отношений.

Выводы

Подведу итоги описанию СТРЕОЗ. Во-первых, уровневая последовательность метода направлена в сторону все большей обобщенности при анализе дискурса: от интерпретации оговорок в первой технике к анализу целостного дискурса, произведенного всеми участниками терапевтического процесса — в обобщенной редукции четвертого уровня. Во-вторых, указанные четыре техники можно дополнительно систематизировать. Первые из них имеют отношение к структурно-лингвистическому анализу речи, две последующие относятся к феноменологической стратегии понимания клиента. Если с помощью первых техник можно распознавать бессознательные смыслы, которые клиент вкладывает в свое сообщение, то две последние стратегии приводят к пониманию феноменологии и отношений клиента. В-третьих, сочетать в одной терапевтической сессии все четыре техники достаточно трудоемко. Если у терапевта склонность к аналитическому, «языковому» мышлению, если он «чувствует чужую речь», имеет «чутье на язык», то, как правило, у него не остается возможности работать с феноменологией клиента. Клиенты оценивают такого терапевта, как «холодного» и «слишком аналитичного». С другой стороны, когда терапевт увлечен феноменологическим анализом, находится в непосредственном контакте с переживаниями клиента, то ему сложно проводить еще и лингвистический анализ дискурса. Решение отмеченной трудности я вижу в использовании СТРЕОЗ в формате котерапии. При этом необходимо выполняться важное условие. Один из котерапевтов должен работать преимущественно с содержательным уровнем проблемы клиента, другой — со структурным. Один из терапевтов реализует третий и четвертый уровни метода СТРЕОЗ; а его напарник — первый и второй уровни. Подобное разделение стратегий работы в котерапии представляет собой уникальный и в то же время удобный инструмент сочетания лингвистического анализа с феноменологическим подходом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Делез Ж. Логика смысла: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
3. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и порт. / Под ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
4. Кейсельман (Дорожкин) В.Р. Грани альтруизма. Киев: Феникс, 2016. 320 с.
5. Кейсельман (Дорожкин) В.Р. Котерапия: групповые феномены, методы, эффекты. СПб.: Речь, 2007. 192 с.
6. Кейсельман (Дорожкин) В.Р. Метод структурной редукции означающих в психотерапии // Журнал практикующего психолога. 2001. № 7. С. 61—83.
7. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда: пер. с фр. М.: «Логос», 1997. 184 с.
8. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54): пер. с фр. М.: Гнозис, Логос, 1998. 432 с.
9. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: МГУ, 1998. 336 с.
10. Мамардашвили М.К. О психоанализе // Логос. 1994. № 5. С. 123—140.
11. Фрейд З. Интерес к психоанализу: пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 350 с.
12. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному: пер. с нем. М.: АСТ, Минск: Харвест, 2006. 480 с.

STRUCTURAL REDUCTION OF MEANINGS IN DYNAMIC PSYCHOTHERAPY

V.R. DOROZHKIN*,

Institute of training of public employment service in Ukraine,
Kiev, Ukraine, valedor2007@gmail.com

The paper considers a range of structural analytical techniques, which have a common nature. We analyze the possibility to reduce group psychotherapeutic phenomena, processes, relationships, and discourse in general to subconscious mental structures of independent participants. The paper includes a lot of examples from

For citation:

Dorozhkin V.R. Structural Reduction Of Meanings In Dynamic Psychotherapy. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 2, pp. 115—133. doi: 10.17759/cpp.2017250207. (In Russ., abstr. in Engl.)

* *Dorozhkin Valery Romanovich*, doctor of psychological sciences, associate professor of psychology and psychotherapy, professor of psychology and social work in Institute of training of public employment service in Ukraine, Kiev, Ukraine, non-medical psychotherapist, email: valedor2007@gmail.com

counseling practice and summarizes our long-term practical experience. We systematize the techniques as an integrated method, which can help dynamically oriented psychotherapists to regulate interaction with a client, and to organize training for future therapists in a more structured way.

Keywords: linguistic method in psychotherapy, analysis of discourse, structural reduction of meanings, techniques of structural reduction of denotative, training of psychotherapists.

REFERENCES

1. Bakhtin M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo, 1986. 445 p.
2. Deleuze G. Logika smysla [Logic of sense]. Moscow: Raritet; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998. 480 p. (In Russ.)
3. Serio P. (ed.). *Kvadratura smysla: frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis]. Moscow: Progress, 1999. 416 p. (In Russ.)
4. Keisel'man (Dorozhkin) V.R. Grani al'truizma [Verges of altruism]. Kiev: Feniks, 2016. 320 p.
5. Keisel'man (Dorozhkin) V.R. Koterapiya: gruppovye fenomeny, metody, efekty [Co-therapy: group phenomena, methods, effects]. Saint Petersburg: Rech', 2007. 192 p.
6. Keisel'man (Dorozhkin) V.R. Metod strukturnoi reduksii oznachayushchikh v psikhoterapii [The method of structural reduction of meanings in psychotherapy]. *Zhurnal praktikuyushchego psikhologa* [Journal of counseling psychologist], 2001, no. 7, pp. 61—83.
7. Lacan J. Instancija bukvy v bessoznatel'nom ili sud'ba razuma posle Frejda [The Instance of the Letter in the Unconscious, or Reason Since Freud]. Moscow: «Logos», 1997. 184 p. (In Russ.)
8. Lacan J. Seminary. Kn. 1: Raboty Freida po tekhnike psikhoanaliza [Seminars. Book 1: Freud's Papers on Technique (1953—1954)]. Moscow: Gnozis, Logos, 1998. 432 p. (In Russ.)
9. Luriya A. R. Yazyk i soznanie [Language and consciousness]. Moscow: MGU, 1998. 336 p.
10. Mamardashvili M.K. O psikhoanalize [On psychoanalysis]. *Logos*, 1994, no. 5, pp. 123—140.
11. Freud S. Interes k psikhoanalizu [Interest in psychoanalysis]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 350 p. (In Russ.)
12. Freud S. Ostroumie i ego otnoshenie k bessoznatel'nomu [Wit and Its Relation to the Unconscious]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest, 2006. 480 p. (In Russ.)